

RU

Фольклоризм в поэтике чувашского романа

Никифорова В. В., Мышкина А. Ф.

Аннотация. Целью исследования стало выявление круга эстетических задач, решаемых писателем в поэтике романного жанра посредством фольклорных образов и сюжетов, тем и мотивов. Фольклоризм находит свое выражение в двух формах – явной и скрытой, – которые влияют на формирование жанрово-стилевых особенностей романа, сюжетостроение и создание образной системы, язык и стиль произведения. В статье анализируются произведения крупного жанра чувашских авторов с выделением их жанрово-стилевых форм (исторический, роман-легенда, метафорический эскиз, роман-этнофэнтези, социально-бытовой, социально-политический). При этом вопрос о проявлении фольклорного начала в таких форматах, как метафорический эскиз, роман-этнофэнтези и социально-политический роман, ставится впервые. Научная новизна исследования заключается в выявлении роли фольклоризма в усилении исторического контекста, в описании быта и культурных особенностей народа, в создании национального характера героев и выражении национального менталитета в поэтике чувашского романа второй половины XX – начала XXI в. В результате исследования было выявлено, что в определенных жанровых разновидностях фольклорная поэтика используется наиболее сконцентрированно (роман-легенда, метафорический роман, роман-этнофэнтези), а в других (исторический, социально-бытовой) – как показатель культурно-исторического фона.

EN

Folklorism in the poetics of the Chuvash novel

V. V. Nikiforova, A. F. Myshkina

Abstract. The aim of the study is to identify the range of aesthetic problems addressed by the writer within the poetics of the novel genre through the use of folklore images, plots, themes, and motifs. Folklorism manifests itself in two forms – explicit and implicit – which influence the formation of the genre-stylistic features of the novel, plot construction, the creation of the system of images, and the language and style of the work. The article analyzes large-scale prose works by Chuvash authors, distinguishing their genre-stylistic forms (historical novel, legend-novel, metaphorical sketch, ethno-fantasy novel, socio-domestic novel, socio-political novel). Importantly, the issue of the manifestation of the folkloric element in formats such as the metaphorical sketch, ethno-fantasy novel, and socio-political novel is addressed here for the first time. The scientific originality of the research lies in identifying the role of folklorism in reinforcing the historical context, in describing the life and cultural specificities of the people, in creating the national character of heroes, and in expressing the national mentality within the poetics of the Chuvash novel during the second half of the 20th and the beginning of the 21st century. The study revealed that in certain genre variations, folkloric poetics is utilized in a more concentrated manner (legend-novel, metaphorical novel, ethno-fantasy novel), while in others (historical, socio-domestic), it serves as an indicator of the cultural and historical background.

Введение

Общеизвестно, что между устным народным и литературно-художественным творчеством существует незримая генетическая связь, выраженная в образно-тематической, идейно-содержательной и лексико-стилистической преемственности. Однако данная преемственность не сводится лишь к прямому заимствованию, а имеет более сложное структурное образование. Как отмечает марийский исследователь Р. А. Кудрявцева (2008, с. 23-24), в поэтике художественного произведения взаимодействие фольклорно-мифологического и литературного начал происходит на нескольких уровнях. В их числе она обозначает влияние фольклора на уровне события, которое лежит в основе произведения, значимым уровнем становятся стиль, а также композиция и язык. В исследованиях Д. Н. Медриша обращает на себя внимание выделение нескольких типов фольклорных вкраплений в литературном тексте XIX-XX вв. В числе таковых исследователь

называет следующие: 1) собственно цитата; 2) аллюзия, когда «известный “чужой текст” полностью не приводится – автор предпочитает намекнуть на него»; 3) реминисценция, которая «обычно вызывает в памяти читателя знакомую конструкцию из другого художественного произведения»; 4) перифраз – фольклорное изречение в трансформированном виде (Медриш, 1980, с. 122-146). Об особой роли реминисценции пишет и Р. А. Кудрявцева: «В марийских рассказах чаще всего встречается фольклорная реминисценция, связанная с известными народными песнями, которые предстают в новом поэтическом оформлении автора, или сочинением песен по аналогии с народными, реже – цитата (в основном пословицы и поговорки в речи героев) и трансформация народных изречений» (2008, с. 25). Можно обоснованно утверждать, что в литературном творчестве XIX–XX вв., не всегда, но часто, фольклорный материал, вписанный в основу сюжета, повествования, имел важное значение. Выявленные особенности взаимосвязи фольклора и литературы отмечаются и в чувашской прозе.

В чувашской прозе начала XXI в. фольклоризм находит новые формы выражения, которые можно интерпретировать в рамках постмодернизма. В таких произведениях речь идет о соотношении фольклорного и мифологического начал. Вопрос о разграничении фольклоризма и мифологизма в литературном произведении достаточно сложный и требует отдельных исследований. Эти понятия близки, но не тождественны (Мироненко, 2008). Можно в том числе говорить о некоей «пограничной» зоне, где фольклорное и мифологическое пересекаются. Например, когда речь идет о литературных образах, вошедших в произведение из мифа как фольклорного текста, то есть фольклорно-мифологических образах. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью выявления особенностей художественно-эстетического взаимодействия между чувашским фольклором и авторским художественным текстом, которое обнаруживается на тематическом, на идейном, в образном, в сюжетном и других уровнях художественного произведения и «работает» на углубление (расширение) их пространства.

Для достижения цели исследования поставлены следующие задачи:

- выявить круг произведений романного жанра, в поэтике которых фольклоризм имеет важное структурно-семантическое значение;
- раскрыть роль фольклорных жанров (пословиц, заклинаний, проклятий, сказок, легенд и т. д.), обычаев и обрядов в поэтике чувашского романа;
- аргументировать значение фольклоризма в появлении новых жанрово-стилевых разновидностей чувашского романа – роман-легенда, метафорический эскиз, роман-этнофэнтези.

Для выявления явной или скрытой связи между фольклорными образами, мотивами и литературными героями, сюжетами романов в данной статье применяются следующие методы: формальный и структурный, позволяющие отображать эстетические особенности анализируемых произведений; сопоставительный, способствующий выявлению специфики вторичных текстов; культурно-исторический, определяющий место фольклора в истории чувашской литературы; герменевтический, выявляющий смыслы и особенности выбранных художественных текстов.

Материалом для исследования послужили разновидности романов чувашских прозаиков второй половины XX – начала XXI в.: исторические (Н. Максимов, К. Турхан, Хв. Уяр, М. Юхма), социально-бытовые (Н. Ильбек, Н. Мранька), социально-политический (Ю. Сан) романы, роман-легенда (А. Кибеч, Н. Максимов), метафорический эскиз (Г. Федоров), роман-этнофэнтези (В. Степанов).

Теоретическую базу исследования составляют работы Д. Н. Медриша (1980), У. Б. Долгата (1981), А. Л. Налепина (2009), в которых определены типы фольклоризма, изучены характер связей и логика отношений между литературой и фольклором в разные общественно-исторические эпохи. Особую значимость в понимании национальной специфики фольклора и литературы имеют работы Р. А. Кудрявцевой (2008), В. Г. Родионова (2015), Г. И. Федорова (1991; 2004). В данных работах разрабатывается новая методологическая парадигма изучения литературы с учетом собственно национального, этнодуховного фактора развития словесной культуры, утверждается мысль о фольклоре как о материале и инструменте творческого переосмысления действительности, как об одной из структурных составляющих художественной литературы.

Статья является продолжением исследования фольклоризма в жанрах повествовательной литературы (Никифорова, Мышкина, 2025).

Практическая значимость работы связана с использованием ее результатов при разработке лекционного и практического материалов в курсах по истории чувашской литературы, чувашскому фольклору в учреждениях образования. Кроме того, данный материал может быть полезен при дальнейшем изучении поэтики чувашской прозы.

Обсуждение и результаты

В чувашской литературе XX в. элементы фольклора весьма отчетливо проявились в жанре исторического романа. Здесь они способствуют усилению исторического фона, раскрытию национального характера и выражению особенностей менталитета народа, используются в описании быта. Так, изучение произведений К. Турхана, М. Юхмы, Н. Максимова именно в этом контексте расширяет горизонты их понимания.

В историческом романе-трилогии «*Сёве Атайла юкса кёрет*» («Свияга впадает в Волгу», 1 кн. – 1960, 2 кн. – 1967, 3 кн. – 1976) К. Турхана (1960-1976) описаны события XVI в. В нем более двухсот действующих лиц, реальных и вымышленных: Иван Грозный, князья, бояре, представители народа. В выстраивании исторической основы произведения существенную роль играют исторические предания и легенды: о взятии Казани; об *Урасмете*,

который предал свой народ, его обычаи и традиции, перешел на сторону врага; легенда о городе Чалыме и др. Для романа характерны «тональность фольклорно-речевой стихии, строя поверий, преданий старины, бывальщинный механизм повествования» (Федоров, 2013, с. 10).

В книге М. Юхмы (1988) «*Мускав сӱлӗ*» («Дорога на Москву», 1966) повествуется о событиях начала XVII в. В народном ополчении под предводительством К. Минина и Д. Пожарского активно принимали участие и чувашаи (Димитриев, 1986, с. 180-218). В романе изображаются образы чувашских князей, сотников, *турханов* (тарханов). С точки зрения историков, место, роль и мощь чувашских феодалов здесь несколько преувеличены (Димитриев 1993, с. 253). Главный герой – чувашский тархан *Пӓрттас* (Буртас). Преданий о нем в чувашском фольклоре сохранилось немного (ЧХП, 2007). Больше информации можно почеркнуть в книге русского писателя В. Костылева «Кузьма Минин» (1939 г.). Пӓрттас предстает здесь как «чувашский старшина». В одном из эпизодов мы видим, как Минин проявляет свое особое отношение к нему: «Весело приветствовал он рукой Пуртаса, сидевшего на низенькой волосатой лошаденке впереди чебоксарских всадников. Пуртас был храбрый и умный воин. Без него не было в последние дни ни одного схода в Земской избе. Чувашаи, одетые пестро, не все были вооружены огнестрельным оружием. Многие из них имели луки» (Костылев).

М. Юхма в своем романе «Дорога на Москву» развил идею данного образа и сконструировал новый проект, наполнил его собственно-авторским содержанием. При этом образ тархана и происходящие события описываются в широком контексте фольклора (песни, предания, мифы, малые жанры, описание обрядов и т. д.), что создает иллюзию их укорененности в устной народной словесности. То есть прозаик берет тот или иной фольклорный элемент (сюжет, мотив, образ и т. д.), развивает и наполняет его новым содержанием и старается его вернуть обратно, закрепив, «узаконив» его местоположение в народном творчестве.

Исторический роман Н. Н. Максимова «*Майра патша парни*» («Дар императрицы», 2018) основывается на легенде о якобы подаренной императрицей Екатериной II земле чувашскому солдату, что отражается в названии произведения. В целом в книге первостепенное значение имеет изображение исторических событий (войны с другими государствами, восстание Е. Пугачёва), быта и нравов чувашского народа, отчасти и иных народов (русских, башкир и др.).

Большой пласт чувашских романов, активно привлекающих в свою поэтику фольклоризм, относится к такой разновидности романа, как социально-бытовой. В них первоочередным становится описание быта и обычаев чувашского народа.

В отношении романа Н. Мраньки «*Ӗмӗр сакки сарлака*» («Век прожить – не поле перейти», 1959-1980) ценные наблюдения были сделаны Г. Я. Хлебниковым: «Картины быта у Мраньки естественны, достоверны. Тут есть все: и языческие обычаи, и особенности крестьянского хозяйства, и юмзи, и церковная служба. Однако эти атрибуты национального быта отнюдь не воспринимаются как чувашская экзотика. Они присутствуют в романе как воздух, которого мы не замечаем» (Хлебников, 2007, с. 175). Такого органичного присутствия фольклора в литературе достигают не многие писатели.

Роман-диалогия Хв. Уяра (1994) «*Шурча таврашӗнче*» («Близ Акрамова») состоит из книг «Тенета» (1952) и «Беглец» (1994). Произведение изображает жизнь чувашей XIX в., их быт, социальные условия жизни, внутренний мир людей этой эпохи. Оно насыщено фольклорным и этнографическим материалом. В нем описываются национальные обряды (жертвоприношения, умыкание земли) и обычаи. Важную роль играют предания (о пугачевском восстании, об Ухтиване). В характеристике героев нередко обнаруживается фольклорный стиль – фольклорные детали и образы при показе силы Ухтивана; анекдотизм и полусказочная гипербола в изображении Шахруна; стиль народных юморесок и шуток о богачах при характеристике Ивука; иные средства юморесок, анекдотов и шуток при изображении образа Теруша Зайца. Речь персонажей отражает свою эпоху. В произведении имеются поучения, заклинания, пожелания, проклятия. Выражаясь словами Г. И. Федорова, «творчество Ф. Уяра актуализировало неторопливость разговорной речи устной прозы, лапидарную образительность бывальщин и быличек, которые в свою очередь помогли писателю находить в человеке его общественную характерность, создавать социально-психологические типы героев» (1991, с. 11).

Роман М. Ильбека (Иллеп, 2019) «*Хура сӑкӑр*» («Черный хлеб», 1 кн. – 1957; 2 кн. – 1961) изобразил жизнь чувашской крестьянской общины, быт, обычаи некрещеных чувашей конца XIX – начала XX в. В романе отражается форма мышления чувашского крестьянина этого времени. Народ представлен здесь сильным духом и смелым в поступках. В качестве эпиграфа к первой книге приводится известная пословица: *Хура сӑкӑр сиекен хур пулман, тет.* / Не пропадет тот, кто ест черный хлеб (здесь и далее подстрочный перевод выполнен авторами статьи. – В. Н., А. М.). Хлеб появляется на столе только благодаря непростым человеческим усилиям и труду и представляет огромную ценность для крестьянина. Пословица, взятая в качестве эпиграфа ко второй книге (*Сунтал пулсан – чӑтӑн пул, / Мӑлатук пулсан – хытӑрах сӑп* // Если (ты) наковальня – так терпи, / Если (ты) молоток – крепче бей), еще более глубоко развивает идею. В образах и взаимоотношениях Тухтара и Селиме прослеживается топос Нарспи и Сетнера. Их любовь также заканчивается трагически.

Жанрово-стилистическая разновидность социально-политического романа в чувашской литературе XXI в. представлена романом Ю. Сана «*Уни кашман сӑрминчен...*» («Над медвежьим оврагом», 2009), лейтмотивом которого стала одноименная народная песня. «Это многостилевое, многоголосное произведение, в котором сочетаются реальность и вымысел, современность и историческая ретроспектива, художественный и публицистический стиль, суровая проза жизни и проникновенный лиризм» (Никифорова, 2022, с. 213). Народная песня здесь скрепляет разностилевые составляющие текста.

Чувашская литература второй половины XX – XXI в. ознаменовалась появлением в ней новых жанровых образований, поэтика которых полностью или частично основывается на фольклорном наследии народа.

В их числе наиболее наглядными стали роман-легенда, метафорический эскиз (*ытарлă эскиз*), роман-этно-фэнтези. Жанр романа-легенды нашел яркое воплощение в творчестве М. Юхмы, А. Кибеча, Н. Максимова.

Хронологические рамки книги «*Кăвак сĕмрен*» («Голубая стрела», 1971) М. Юхмы (1998) охватывают XVIII в. Ее жанр в первом издании на русском языке был определен как «роман-легенда» (1989 г.). Переработанное, дополненное издание вышло под авторским жанровым определением «исторический роман» (1998 г.). В структуре текста представлены множество жанров народного творчества (малые жанры, сказка, миф), описание обрядов (агатуй, имянаречение и др.). В начале его глав и частей, как и в романе «Дорога на Москву», в качестве эпиграфа поставлены строки из народных песен, пословиц и поговорок, легенд и поверий, загадок. Лирические народные песни, в частности, выражают чувства и настроение героев, углубляют трагизм повествования.

Сюжет *Сарĕ кун сĕршивĕ* (Страна желтого/светлого дня) здесь несколько трансформирован и взаимосвязан с деятельностью крестьянского царя (Емельяна Пугачева). Будто бы он долгое время жил в этой стране и теперь хочет увести туда всех бедных людей.

Образ главной героини Угаслу создан средствами легенд и преданий. Присутствие в жанровом определении уточняющего термина «легенда» подчеркивает ее важность как жанра народного творчества, что выявляется как на уровне формы, так и в содержании произведения. Дедушка перед смертью рассказывает Угаслу легенду об Илтилет, о девушке-полковнице, предвосхищая тем самым будущее своей внучки. Угаслу, переплощенная для окружающих в мужчину, становится полковником Ахмаром и собирает войско для Пугачева, сражается за свободу своего народа. В целом, романы М. Юхмы, определенные им самим как «исторические», отчасти перекликаются с поджанром исторического фэнтези в русской прозе, создают альтернативную историю народа (Никифорова, 2024).

Здесь уместно подчеркнуть, что фольклоризм является важной чертой художественного мира М. Юхмы. Автор обращается, как правило, к определенному фольклорному сюжету, образу, жанру и моделирует предполагаемую ситуацию (*сапла та пулма пултарнă* / могло быть и так). Далее, на втором этапе, модель наполняется фантазией автора, которая сверяется, согласовывается с текстами устного народного творчества. Писатель, таким образом, изображает потенциально возможную реальность и нередко создает новое предание, легенду, миф, сказку, песню.

Между тем, эстетическая роль фольклора в произведениях М. Юхмы исследователями оценивается неоднозначно. Но многие подчеркивают неповторимость его творческой манеры. «Главным “стилизатором” фольклора в чувашской литературе не только 1970-х гг., но и конца XX в. стал М. Юхма» (Мышкина, 2017, с. 207). По мнению Г. И. Федорова (2004, с. 378-379), произведения Юхмы, созданные как романтическая легенда, в устной народной словесности близки героическим сказкам. Не будет большим преувеличением сказать, что путь, найденный прозаиком, является единственным в своем роде.

На рубеже веков был создан *роман-халап* / роман-легенда А. Кибеча (Кипеч, 2001) «*Улăп таврăнни*» («Возвращение Улыпа», 2001), в котором развивается сюжет о богатыре Улып. Жанровая разновидность романа «*Шурă акăш сулĕ*» («Путь белого лебедя», 2009-2010) Н. Максимова (2016) также определена автором как «роман-легенда». В нем описываются события XV-XVI веков, отношения между чувашами, татарами и русскими. Важнейшую роль в структуре романа играет фольклор: Алсу, дочь Пулата-хана, после смерти становится белой лебедью и в трудную минуту постоянно приходит на помощь своим братьям. Есть и сказочные мотивы – младший сын Пулата-Керима Али вступает в бой с Ильей Муромцем; исторические и топонимические предания, отражающие события этого периода.

Своеобразным произведением чувашской литературы конца XX – начала XXI в. с точки зрения жанрового формата является метафорический эскиз Г. Федорова (2022) «*Ай, мăнтарăн хир мулкачи*» («У нас колесница одна, букв. пер «О, мой бедный полевой заяц», 1990-2015), состоящий из семи повестей. Он сопоставим с жанром интеллектуального романа в мировой литературе. В нем явно и неявно фиксируются жанры устного народного творчества (пословицы, поговорки, песни, мифы, притчи), важнейшие образы и символы национальной литературы (лес, ветер, дождь, гром (гроза), птица, телега (колесница), дорога, мост, заяц). Они пронизывают произведение насквозь, отчасти структурируют текст и в целом организуют в нем атмосферу *ытарлăх* (метафоричность, иносказательность). Данная особенность, характерная для национального мышления, в тексте Федорова раскрывается весьма последовательно.

В прозе Г. Федорова интертекстуально запечатлелись традиционные национальные образы. Само название эскиза, в частности, перекликается со стихотворением Гр. Филиппова «*Чухăн сын пурнăсĕ – хирти мулкач пурнăсĕ*» («Жизнь бедняка, что жизнь зайца в поле», 1880-1890), с «*Мулкач юрри*» («Песней зайца»), бытующей в народе. Сравнение с зайцем и с жизнью зайца в чувашской литературе складывается как традиция. Она проявляется в литературе в разные периоды своего развития (М. Трубина, А. Емельянов, Н. Ижендей, И. Шеремет). Должно быть, не случайно, что условия жизни чуваша наталкивали его на сравнение собственной жизни с жизнью зайца в поле. Образцы устного народного творчества, видимо, зафиксировали уже сложившиеся соответствующие черты характера у определенной категории людей, осознали параллель. Герои романа часто сравниваются с полевым зайцем (Праски, Гаврила, Хелипп). Параллель жизни чуваша с жизнью полевого зайца вырастает до уровня главной идеи, лейтмотива эскиза, связывает семь повестей в одно цельное произведение. С формальной точки зрения, многое из составляющих текста представляет собой ритмический отрывок (песни, стихи, пословицы – народные и авторские).

В. Степанов является автором двух романов-этнофэнтези (авторское определение жанровой разновидности), не имеющие аналогов в контексте общероссийской литературы: «*Пихампар йытти*» («Господа Пигамбара пёс», 1999) и «*Тенкри хĕçĕ*» («Сабля Тенгри», 2015, 2016). В творчестве писателя наблюдается особое сочетание

укорененности в национальной культуре с постмодернистскими традициями. В. Степанов пытается понять загадку своего народа, национальный дух, реконструируя древние пласты мифологии и фольклора и раскрывая его историю с точки зрения сегодняшнего дня.

В этнофэнтези «Господа Пигамбара пёс» центральное место занимает миф о Пигамбаре. Пигамбар в чувашском сознании – божество высшего разряда, распределяющее людям душевные качества, силу и здоровье, счастливую или несчастливую судьбу. Его также считали ангелом-хранителем людей и покровителем домашнего скота, вождем волков. Соответственно, волков в чувашской (тюркской) мифологии называли *Пихампар йытти* (собакой Пигамбара) (Чувашская мифология, 2018, с. 244-245).

Основа произведения «Сабля Тенгри» – чувашская мифология и фольклор. В разном контексте появляются скандинавские, китайские, иранские, индейские, греческие мифологические образы. В числе действующих лиц романа – множество персонажей чувашской мифологии (*Арсури, Ашапатман, Вёри сёлен, Чике старик*). *Тенгри* в тюркско-монгольском пантеоне – верховный бог неба. Этимология чувашского *Турă, Торă (Тур, Тор)*, высшего небесного бога чувашского пантеона, по одной из гипотез, восходит к данной лексеме (Чувашская мифология, 2018, с. 350).

Таким образом, исследование поэтики чувашского романа второй половины XX – начала XXI в. позволяет говорить о том, что фольклорное начало все также является важной структурно-содержательной составляющей художественной литературы.

Заключение

Проведенный нами анализ чувашской прозы (произведения К. Турхана, М. Юхмы, Н. Максимова, Н. Мраньки, Хв. Уяра, М. Ильбека, Ю. Сана, А. Кибеча, Г. Федорова, В. Степанова) второй половины XX – начала XXI в. приводит к выводу о том, что одним из существенных элементов романного жанра стало наличие в его поэтике элементов фольклора (образов, сюжетов, жанров, лексико-семантических особенностей и т. д.). Данная тенденция наиболее характерна для исторических и социально-бытовых романов, в которых фольклоризм имеет уплотненный характер и чаще всего иллюстрирует историческую эпоху, быт и нравы народа.

Сегодня становится очевидным, что фольклорная поэтика может способствовать зарождению новых жанров. Появление в чувашской литературе романов-легенд, романов-этнофэнтези становится свидетельством того, что фольклорные традиции и элементы глубоко проникают в поэтику произведения, создавая иную художественно-историческую действительность. В подобных произведениях обращение к фольклорным традициям становится одним из способов выражения своей национальной идентичности, защиты от нарастающей стандартизации культуры во всем мире.

В качестве перспектив дальнейшего исследования в контексте данной статьи можно обозначить обстоятельное изучение проявления фольклоризма в таких жанрах, как литературная сказка и *хайла*. В первой из них наблюдается, прежде всего, формальное сходство с народными сказками. *Хайла* (жанр, сопоставимый со сказом и рассказом в русской прозе) представляет собой яркий пример стилизации народных жанров.

Материалы исследования | Research materials

1. Илпек М. Хура сакăр: роман. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2019.
2. Кипеч А. Улап таврăнни: роман-халап. Шупашкар, 2001.
3. Костылев В. Кузьма Минин. https://royallib.com/read/kostilev_valentin/kuzma_minin.html#0
4. Максимов Н. Майра патша парни: историлле роман. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2018.
5. Максимов Н. Шурă акăш сÿлĕ: роман-легенда. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2016.
6. Мранькка Н. Ёмĕр сакки сарлака: роман. 5 кĕнекеллĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1959-1980.
7. Сан Ю. «Упи касман сÿрминчен...». Шупашкар: Çĕнĕ Вăхăт, 2009.
8. Степанов В. Пихампар йытти // Ялав. 1999. № 10.
9. Степанов В. Тенгри хĕçĕ: роман-этнофэнтези. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2015, 2016.
10. Турхан К. Сĕве Атăла юкса кĕрет: роман. 3 кĕнекеллĕ. Шупашкар: Чăваш. кĕн. изд-ви, 1960-1976.
11. Уяр Хв. Шурча таврашĕнче: роман. 2 кĕнекеллĕ. Шупашкар: Чăваш. кĕн. изд-ви, 1994.
12. Федоров Г. Ай, мĕнтарăн хир мулкачи: ытарлă эскиз (роман). Шупашкар, 2022.
13. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Истори халапĕсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2007 (ЧХП).
14. Чувашская мифология: этнографический справочник. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018.
15. Юхма М. Кăвак сĕмрен: историллĕ роман. Шупашкар: «Вучах» библиотеки, 1998.
16. Юхма М. Мускав сÿлĕ: историллĕ роман. Шупашкар: Аттил, 2009.

Источники | References

1. Димитриев В. Д. Участие населения Чувашии в борьбе против польской и шведской интервенции в начале XVII века // Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1986.
2. Димитриев В. Д. Чувашские исторические предания: очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993.
3. Долгат У. Б. Литература и фольклор: теоретические аспекты: монография. М.: Изд-во «Наука», 1981.

4. Кудрявцева Р. А. Марийский рассказ XX века (история и поэтика жанра): монография. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2008.
5. Медриш Д. Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1980.
6. Мироненко Е. А. К вопросу о фольклоризме // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 6.
7. Мышкина А. Ф. Период поиска новых литературных направлений и жанрово-стилевых открытий (1970 – середина 1980-х гг.). Проза // История чувашской литературы XX века. Часть 2 (1956-2000): коллективная монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017.
8. Налепин А. Л. Два века русского фольклора: опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX-XX столетиях. М.: ИМЛИ РАН, 2009.
9. Никифорова В. В. Чувашская проза начала XXI века: развитие художественного процесса // Чăваш халăх историйĕпе культурин сивĕч ыйтăвĕсем: статьясен пуххи = Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сборник статей / сост. и научн. ред. В. В. Никифорова. Чебоксары: ЧГИГН, 2022. Вып. 6.
10. Никифорова В. В. Чувашское «этнофэнтези» и «славянское фэнтези» в русской прозе: поиск и репрезентация национальной идентичности // Славяно-тюркский мир: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 24-26 июня 2024 г. / сост. и отв. ред.: Д. В. Егоров, Э. Е. Лебедев, И. И. Бойко. Чебоксары: ЧГИГН, 2024.
11. Никифорова В. В., Мышкина А. Ф. Фольклоризм чувашской прозы: его идейно-тематическое и сюжетобразующее значение // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 8. <https://doi.org/10.30853/phil20250474>
12. Родионов В. Г. Чувашская литература 1900-1908 годов // История чувашской литературы XX века. Часть I (1900-1955): коллективная монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015.
13. Федоров Г. И. Ответственность перед историей // Турхан К. С. Избранное. Свияга впадает в Волгу: исторический роман. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013.
14. Федоров Г. И. Художественный мир Федора Уяра (Проблемы типологии, поэтики и художественной семантики). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991.
15. Федоров Г. И. Чăваш литератури (1945-1985): вĕренÿ пособийĕ. Шупашкар: ЧПУ, 2004.
16. Хлебников Г. Я. Чувашский роман // Чувашская литература второй половины XX века / сост. и автор послеслов. В. Г. Родионов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007.

Информация об авторах | Author information

RU**Никифорова Вера Витальевна**¹, к. филол. н.**Мышкина Альбина Федоровна**², д. филол. н., доц.^{1,2} Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары**EN****Vera Vitalievna Nikiforova**¹, PhD**Albina Fedorovna Myshkina**², Dr^{1,2} Chuvashia State Institute of Humanities, Cheboksary¹ vera.nikiforova@yandex.ru, ² alb-myshkina@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.12.2025; опубликовано online (published online): 15.01.2026.

Ключевые слова (keywords): чувашский роман; фольклорная поэтика; роман-легенда; метафорический эскиз; роман-этнофэнтези; Chuvash novel; folkloric poetics; legend-novel; metaphorical sketch; ethno-fantasy novel.